

Единство образа и регулярность пространства: к 300-летию основания Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и первого университета Российской империи

Швидковский Дмитрий Олегович (Москва). Доктор искусствоведения, профессор. Ректор Московского архитектурного института (государственной академии) (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4, кор. 1, стр. 4. МАРХИ), президент РААСН, вице-президент Российская академия художеств (Россия, 119034, Москва, ул. Пречистенка, 21. РАХ). Эл. почта: shvidkovsky@gmail.com

Шмонин Дмитрий Викторович (Санкт-Петербург). Доктор философских наук, профессор. Директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. СПбГУ). Эл. почта: d.shmonin@spbu.ru

Аннотация. В статье, которая посвящена юбилею Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета, даётся оценка истории архитектурно-планировочного замысла и развития материального наследия с точки зрения как опыта организации научно-технологических прорывов, так и социально-культурной, духовной составляющей единого научно-образовательного пространства, создание которого началось волей императора Петра I. Единство замысла основателя Санкт-Петербурга отразилось в полной мере в пространстве реальном, не только в архитектуре и градостроительстве, но и в целом в смысловых основах пространственной организации императорской России, наследие которой мы можем и должны использовать в сегодняшнем преобразовании нашей страны, которая вновь нуждается в технологическом прорыве в условиях глобального противостояния со «старыми центрами силы».

Ключевые слова: Академия наук, Санкт-Петербургский университет, художества и науки, архитектурное образование, ценности, смыслы

Для цитирования. Швидковский Д.О., Шмонин Д.В. Единство образа и регулярность пространства: к 300-летию основания Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и первого университета Российской империи // Academia. Архитектура и строительство. – 2023. – № 4. – С. 5–13. – DOI:10.22337/2077-9038-2023-4-5-13.

The Unity of the Image and the Regularity of Space: to the 300th Anniversary of the Founding of the Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg and the first University of the Russian Empire

Shvidkovsky Dmitry O. (Moscow). Doctor of Art History, Professor. Rector of the Moscow Institute of Architecture (State Academy) (11, Rozhdestvenka st. 11, Moscow 107031. MARCHI), President of the RAASN, Vice President of the Russian Academy of Arts (21, Prechistenka st. Moscow 119034). E-mail: shvidkovsky@gmail.com

Shmonin Dmitry V. (St. Petersburg). Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Director of the Institute of Theology of St. Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034. SPbU). E-mail: d.shmonin@spbu.ru

Annotation. The article, which is dedicated to the anniversary of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University, assesses the history of architectural planning and the development of material heritage from the point of view of the

experience of organizing scientific and technological breakthroughs, as well as the socio-cultural, spiritual component of a single scientific and educational space, the creation of which began by the will of Emperor Peter I.

The unity of the idea of the founder of St. Petersburg was fully reflected in the real space, not only in architecture and urban planning, but in general in the semantic foundations of the spatial organization of Imperial Russia, whose legacy we can and must use in today's transformation of our country, which again needs technological breakthrough in the context of a global confrontation with the "old centers of power".

Keywords: Academy of Sciences, St. Petersburg University, arts and sciences, architectural education, values, meanings

For citation. The Unity of the Image and the Regularity of Space: to the 300th Anniversary of the Founding of the Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg and the first University of the Russian Empire. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2023, no. 4, pp. 5–13, doi: 10.22337/2077-9038-2023-4-5-13.

Юбилей Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета [1; 2, с. 8] – серьёзный повод взглянуть на задачи, которые стоят сейчас перед страной, через призму отечественного исторического опыта.

Напомним, что 28 января (по новому стилю – 8 февраля) 1724 года императором был подписан указ Правительствующему Сенату и Проект учреждения Академии «с назначением на содержание оной доходов» [3, т. VII, с. 220]. В этом государственном акте «об учинении» российской науки и университетского образования говорится: «К расположению художеств и наук употребляются... два образа здания: первой образ называется Университет; второй Академия или соиетет художеств и наук... Университет есть собрание учёных людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции, медицины и философии... младых людей обучают» [3; 4, с. 31].

По хорошо изученным причинам [4, с. 31–32] император решил соединить просвещение, науку и искусства в едином образе. Поэтому мы говорим здесь не только о единстве истории Российской академии наук и Петербургского университета [5, с. 9], но также отсчитываем от указанной выше даты начало деятельности творческих отраслевых академий – Российской академии художеств и Российской академии архитектуры и строительных наук [6].

Постараемся показать, что в основе впечатляющего петровского замысла лежала идея регулярности, единства цели, объединения сил и ресурсов, так же как и в его идее пространственного развития России.

Напомним, что Пётр I имел перед собой несколько проектов организации системы науки и образования. Немецкие учёные-просветители, Готфрид Вильгельм Лейбниц и Христиан Вольф, с которыми царь был знаком лично, предлагали варианты, близкие по духу протестантскому Просвещению и тяготевшие к практико-ориентированному взаимодействию «соиететов учёных» (академий наук) и университетов [7], причём Вольф рекомендовал начать с учреждения университета в Санкт-Петербурге [8, S. 12–15, 168–170;]. Сподвижники Петра, среди которых выделялся автор Духовного регламента и реформы церковного образования архиепископ Феофан

(Прокопович), советовали Петру иное: прежде чем открывать университет, собрать одарённых детей, дабы подготовить их к восприятию высших наук в особой гимназии или семинарии. «Когда Бог благословит отроческий дом сей, – предлагал архиепископ Феофан, – тогда от числа наученных в нём явятся изрядные учителя, которые возмогут и великую академию учить и управлять» [9, с. 65, прим. 46.].

Однако император, остро чувствующий потребности государства и дефицит времени, организационно объединил учреждения и решаемые задачи. Он создал Академию наук и художеств, при которой предполагалось открыть университет и гимназию. В качестве академиков, которые одновременно должны были стать профессорами университетских кафедр, решено было приглашать признанных европейских учёных. Спустя год, уже после кончины Петра, это повеление начало осуществляться [10] в новой столице Российской империи – Санкт-Петербурге, который сам по себе также являлся материальным воплощением государственного замысла Петра I [11; 12].

Это было, говоря словами замечательного историка образования и педагогической мысли в России С.В. Рожественского, «начало новой традиции высшего научного образования» [13, с. 157; 14, с. 204 и далее]. Характер проекта создания университета и гимназии при Академии наук отражал позицию главы государства. Прежде всего, речь идёт об осознании императором Петром Великим необходимости обеспечить преемственность между уровнями образования и наладить саму систему подготовки кадров для науки. Кроме того, – о понимании царём того, что в основе профессиональных, прикладных, ремесленных знаний, даваемых различными профильными учебными заведениями, должна лежать фундаментальная наука и классическое (в широком смысле) университетское образование.

«Чтобы “водворить художества и ремёсла”, необходимо было “расплодить науки”; чтобы в науке не оставаться вечными учениками иностранцев и “людей своих елико мощно скорее обучити”, необходимо “завести” свою науку, создать учреждение, в котором “художества и науки в своём состоянии производятся”. В такой последовательности... располагались замыслы Петра, приведшие его “к сочинению

социетета наук”, – комментирует С.В. Рождественский [13, с. 157]. «Наконец, при Екатерине I в 1727 г. регламент трактовал академию, главным образом, как учебное учреждение... академия и университет уже не различались...» [13, с. 158–159].

С.В. Рождественский упоминает невысокие оценки, данные М.М. Сперанским и графом Д.А. Толстым эффективности созданной Петром I трёхчастной системы, с учётом изменений, внесённых при его наследниках в XVIII веке [13, с. 160; 14]. Так, по мнению М.М. Сперанского, из-за учреждения Академии наук российское просвещение оказалось перевернуто с ног на голову. Идти надо было снизу вверх, начиная с народных школ. В том же духе рассуждает и Д.А. Толстой, видя в петровском проекте лишь заимствование, глядя на которое, «общество приучалось смотреть на себя, как на европейски образованное, не замечая, что из Европы взята одна внешность, одно подобие образования, а не его сущность» [10]. С.В. Рождественский, не соглашаясь с этими мнениями, указывает на «глубокое положительное значение принципа, на котором зиждился опыт соединения Академии наук с Университетом и гимназией» [13, с. 161]. В этом он видит не «случайный эпизод», а историческую логику, сплачивающую народное просвещение, высшее «фундаментальное» и высшее профессиональное («искусства» во всём их разнообразии) образование, а также прикладную и теоретическую науку в одну систему. Эта логика осталась актуальной и в наши дни.

Ведущие университеты, сохраняющие, распространяющие и развивающие фундаментальное естественнонаучное и социогуманитарное знание, обязаны иметь тесную связь не только с высшими и средними профессиональными учебными заведениями, которые нередко включают в свою структуру, но и с «приготовительным» к университету образовательным уровнем – школой. Для средней школы университет «всегда должен быть рассадником педагогических сил», а «содержание и высота гимназического курса» должны соотноситься с «интересами университетской науки» [13, с. 161]. Таким образом формулируется принцип «органической связи между школами всех степеней – высшими, средними, низшими» [13, с. 161] и закладывается прообраз будущего методологического и педагогического шефства университета над школой, который найдёт своё воплощение в «гумбольдтовском» университете XIX века – модели, о которой мы должны вспомнить при современной реформе российского образования, в том числе инженерного, художественного и архитектурного.

К этому следует добавить, что Петром был заложен принцип государственной опеки и прямого правительственного заказа как науке, так и высшей школе. Это было время напряжённых усилий по модернизации страны, поэтому утилитарный университет XVIII столетия в отличие от автономно-корпоративного средневекового университета (и в отличие от будущих форм организации высшего образования [15]), отличался отчётливо государственным характером, прямой

вертикальной подчинённостью начальству и практически полным отсутствием академических прав профессорской корпорации «в эпоху преобладания профессионально-словных интересов» [13, с. 162].

Любопытен выполненный С.В. Рождественским анализ структуры ранней Академии наук и её подразделений. Отмечая общеобразовательный характер академического Университета, учёный сравнивает перечень факультетов (юридический, медицинский и философский) с отделениями (классами), по которым специализируются академики: 1-й класс – математический; 2-й – физический; 3-й – гуманитарных наук («гуманиора / *studia humaniora*»), истории и прав. Вслед за С.В. Рождественским мы не находим здесь взаимно-однозначного соответствия между факультетами и классами. При этом уже в проекте регламента императрицы Екатерины I грань между собственно Академией и Университетом стирается: «Академия уже не отделялась от Университета, точнее сказать, она рассматривалась как Университет, почему академики и называются профессорами. Соответственно тому отделения или классы Академии (математический, физический и историко-философский) превращались в факультеты. Класс 1-ый, математический, состоящий из 4-х профессоров, выделялся теперь как самостоятельное целое, а не как часть философского факультета. Физический факультет с 5-ю профессорами включал в себя и медицинский, а в состав философского факультета вводилась юриспруденция» [13, с. 163].

На философском факультете сосредоточивалось преподавание гуманитарных и естественных наук – от истории и «древностей» до метафизики, математики и физики. Последний блок дисциплин мог при необходимости читать один человек – профессор математики. Иными словами, в курс университетских наук включались все «свободные искусства», метафизика (философия Нового времени – вплоть до учений тех же Лейбница и Вольфа), а также часть «механических искусств», «доросших» до теоретического университетского уровня и «поступивших» на философский (через физику) или медицинский (через химию и биологию) факультеты.

Обратим внимание читателя на то, что философский факультет в задуманном Петром I Университете не выполняет функции общего факультета, как это было в европейских университетах, скроенных по средневековым лекалам. В Петербурге функции этого «общего бакалавриата» призвана была выполнять Гимназия. Элев (от фр. *élève* – ученик, учащийся, школьник, студент, воспитанник) до перехода из Гимназии в Университет уже должен был быть готов если не к научной специализации, то к работе в определённой области знания. С ним, таким образом, на уровне Гимназии предполагалась профилизация или профориентация учащихся. Если же, паче чаяния, у студента не оказывалось способностей к чистой науке, «к высшим учениям», то уже на стадии обучения в Гимназии элеву могли предложить своего рода «прикладной специалитет», одно из востребованных для государства направление профессионального образования.

Для этого «учреждается Академия художеств, курс которой составляют: арифметика, геометрия, тригонометрия, начала перспективы, архитектура воинская и гражданская, живописное искусство, искусство изваятельное и резное и делание разных моделей» [13, с. 163–164], с дальнейшей возможностью специализации и трудов в самых разных ведомствах и учреждениях Российской империи.

Мы полагаем, что гибкость, многоуровневость и многопрофильность создаваемых и реформируемых на ходу научно-образовательных структур свидетельствовали не только и не столько о тотальном недостатке специалистов, сколько о единстве замысла и об адекватности руководства процессами реформ, а также об умении решать сложный комплекс задач малыми силами, сохраняя и развивая при этом то, что мы сейчас привычно называем человеческим капиталом.

Единство замысла, единство образа не только подтверждаются, но и объективируются, можно сказать, материализуются в одновременном создании академических и отраслевых научно-образовательных структур, ответственных за воплощение разнообразных, но всегда конкретных замыслов императора. Роль Академии наук и художеств в этой схеме представлялась Петру I практической: Академия должна была научно-технически планировать пространство страны, начиная с образца – столицы. При этом речь шла не об абстрактных проектах, а о конкретном городе и жизни в нём, устроенной регулярно. Царь думал также и о том, чтобы эту регулярность можно было масштабировать и воспроизводить в других российских городах. Ещё в Москве образ нового города уже возник в представлениях Петра I в мельчайших бытовых деталях, вплоть до организации уличной торговли [16, с. 327–334]. Способы воплощения своей мечты в жизнь он также, раз начав употреблять, не изменял: «и ежели кто того чинить не будет и за то таковых бить батогами». В Санкт-Петербурге наказания за нарушение предначертанного царём облика города стали только строже. Пётр I стремился к тому, чтобы новая столица могла служить моделью нового государства, своего рода материальным воплощением его мечты о просвещении, науках и искусствах, от которых, в свою очередь, зависит успех развития страны и будущее народа России.

Интересны параллели, связанные с формированием научно-образовательного и архитектурного пространств Санкт-Петербурга.

Пётр полагал, что достаточно создать замысленную им форму города, чтобы она своим новым характером сама изменила содержание жизни. В этом отношении, может быть, наиболее поразительным документом является план новой столицы на Балтике, сделанный собственноручно государем около 1709 года. Пётр предполагал разместить её не на месте Петербурга, а в море, на острове Котлин. Император издал целую серию указов о создании «столичного города» на острове Котлин уже после того, как основал Петропавловскую крепость и Адмиралтейство в будущем Санкт-Петербурге. Эти указы гласили, повторяя друг друга: «объявить шляхетским

тысячи домам, купетским лучшим пятистам, рукомышленным всяких дел тысячи домам, из которых половина те, которые заводы имеют... что им жить на Котлине острове по скончании сей (Северной. – Авт.) войны ...» [17, с. 221] Физической возможности осуществить этот замысел у Петра Великого не оказалось. Никто жить среди моря не согласился, несмотря на царские угрозы. Тем не менее представление монарха о столичном городе осталось тем же. Он заставил архитектора Доменико Трезини при создании плана Петербурга в 1714 году опираться на свои прежние идеи – теперь на будущем Васильевском острове в устье Невы. И здесь было замыслено, а затем создано пространство того же типа, выражавшее своей регулярностью «порядок» жизни в империи.

Нужно сказать, что логика истории Санкт-Петербурга, удивительным, но неуклонным образом утверждала идеи преобразования всей системы знаний в целях быстрого развития новой империи в зримом пространстве города. Это видно особенно хорошо на основании конкретных замыслов и начинаний Петра Великого в предполагавшемся им центре города на Васильевском острове. Основанная царём Кунсткамера стала первым

Проспект Государственных коллегий. Гравюра М.И. Махаева. 1753 г.

Здание Двенадцати коллегий (Санкт-Петербургский государственный университет). Главная галерея. Интерьер. Современный вид. Санкт-Петербург

специализированным научным зданием России. Неслучайно дальнейшее строительство и изменение назначения построек, в том числе спустя столетия после кончины основателя Петербурга, соответствовало именно этим мыслям. Среди примеров – превращение средоточия правительственной власти, здания Двенадцати коллегий, в местопребывание Главного педагогического института и Императорского Санкт-Петербургского университета; долгое проектирование резиденции Академии наук, завершённое в реальности работой Джакомо Кваренги на Университетской набережной. Важно отметить, что эти прославленные здания вошли как важнейшие смысловые и художественные, знаковые акценты в цельный ансамбль классического Петербурга, образ которого является неотъемлемой частью традиционной и современной идентичности народа России и нашего государства.

Многие важнейшие градостроительные особенности Петербурга возникли в правление императрицы Анны Иоанновны. Будет не слишком большим преувеличением сказать, что город был чуть ли не основан заново в 1730-е годы. Важно отметить, что это происходило одновременно с развитием

Академии наук и художеств. Именно тогда в северной столице России появились русские архитекторы с новым европейским образованием. Пётр Великий ещё в 1716 году отправил молодых людей за границу учиться «различным искусствам». Среди них было восемь человек, от которых требовалось изучать архитектуру. Четверо были посланы в Голландию, четверо – в Италию. В Риме у архитектора Себастьяно Чиприани должны были обучаться Пётр Еропкин, Тимофей Усов и Фёдор Исаков. Все находившиеся в Риме ученики обязаны были представить чертежи самой знаменитой из барочных римских церквей Сан Карло-ала-кватро-фонтане. Уже в этих чертежах выделился своей одарённостью Пётр Михайлович Еропкин.

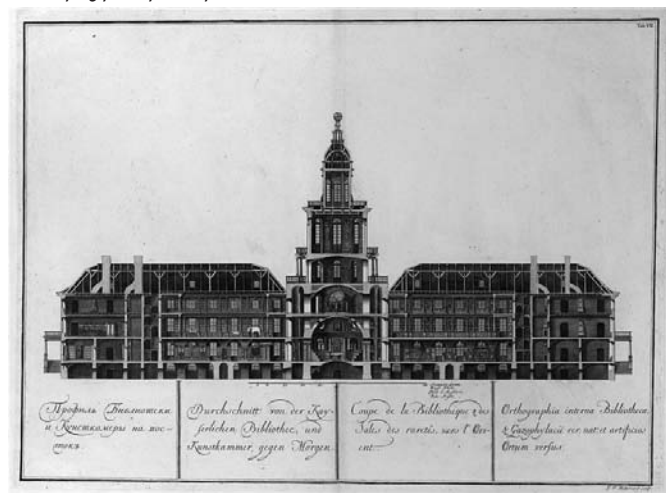
Именно П.М. Еропкин, вернувшись на родину, в 1737 году возглавил работы по планировке Петербурга. Тогда была создана специальная комиссия, которая должна была определить горизонт и пути дальнейшего развития города. Проект каждой части столицы подготавливался в мастерской Еропкина, обсуждался членами Академии наук и художеств при участии Земцова, Коробова, Трезини-сына и после этого представлялся на утверждение императрице. Комиссии предстояло выяснить состояние столицы, составить фиксационный план Петербурга, сделать его новый проектный план, разработать подробные чертежи для застройки всех частей города. Иными словами, Петербург нужно было распланировать заново, причём не на пустом месте, а исходя из уже сложившейся реальности, включавшей в себя не только архитектурное пространство, но и пространство культурное, социально-антропологическое.

Успех этой работы оказался исключительным. На основании идей того времени Петербург развивался в течение всей своей последующей истории. Основой структуры центра было сделано знаменитое трёхлучие. Именно тогда было окончательно определено направление Невского проспекта, Гороховой улицы и Вознесенского проспекта от окраин к Адмиралтейству: «...виду Адмиралтейской спицы никакого посягательства быть не признаётся» [3, т. VI. СПб, с. 121]. Кроме того, было выявлено значение всех набережных. Там продолжалось строительство наиболее богатых усадеб и разбивка их садов, прежде всего на Адмиралтейской стороне вдоль Невы, а также по Мойке и Фонтанке. Васильевский остров был сохранён таким, как его спроектировал Трезини по замыслу Петра Великого.

Планировочные композиции этой эпохи показывали виртуозное умение выявить главные городские структуры, придать им гармоническую ясность, изысканные пропорции и в то же время сохранить рациональность планировки. Эти решения, определившие развитие пространства северной столицы, соответствовали в полной мере геометрическим, естественнонаучным, архитектурным представлениям, которые утверждала Академия наук и художеств, и они оказались справедливыми в очень высокой степени. На планах середины XVIII века, несмотря на всё последующее строительство, можно узнать почти современный центр Петербурга.

Библиотека и Кунсткамера. Восточный фасад. Санкт-Петербург. Гравюра Качалова Г.А. 1750-е годы

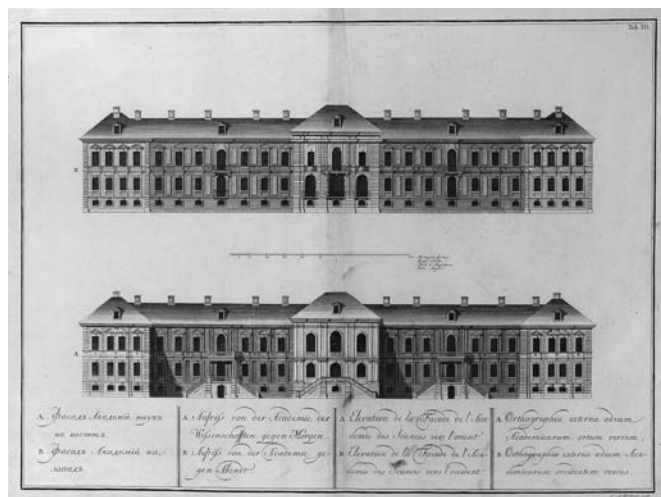

Здание Библиотеки и Кунсткамеры. Вертикальный разрез. Вид с восточной стороны. Гравюра Г.А. Качалова. 1750-е годы

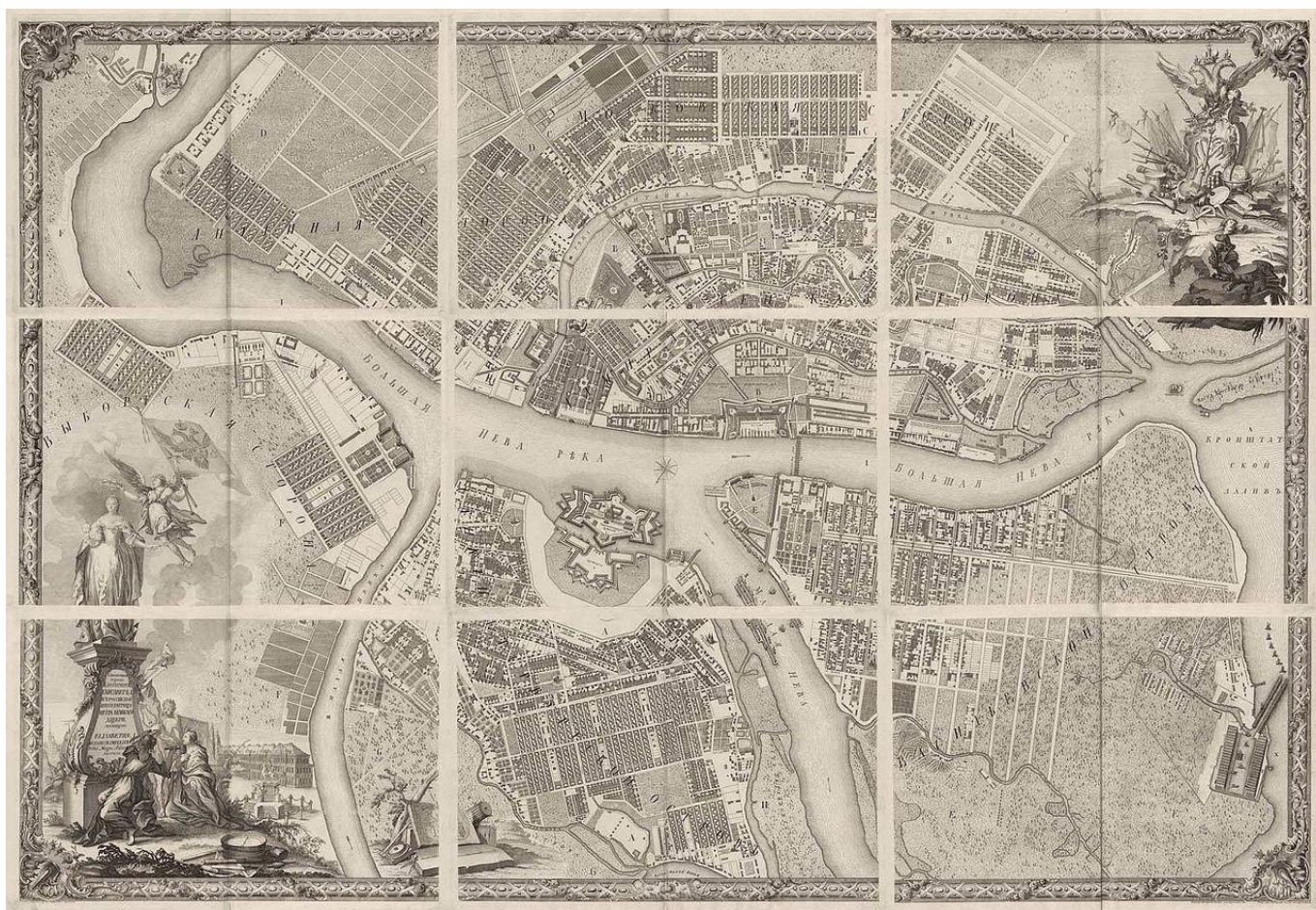
Петербург в то время стал одним из величайших шедевров градостроительства барокко с характерной для этого стиля любовью к далёким перспективам, проникнутым театральным чувством; грандиозным, геометрически определённым пространством; умением строить сложные и красивые регулярные структуры, создавая из них гармоничное целое. Возникло пространство города, которому было суждено существовать веками и передавать величие планировочных композиций барокко даже тогда, когда они будут впоследствии облачены в торжественные и строгие формы классицизма. Иными словами, величайшим достижением первой российской Академии было нахождение классической формы и благоустройства великого города, ставшего символом императорской России для всего мира и одним из залогов национальной идентичности нашего народа. При этой архитектурно-планировочной открытости соблюдалась рациональность и утилитарность всей строительной культуры в целом, гармонично связанная с социальной жизнью и новой научно-образовательной средой.

В свою очередь, утилитарная направленность высшего образования в XVIII веке особым образом структурировала и развивала Петровский замысел, без сожаления отступая от корпоративных традиций, не соответствовавших времени. Императорской власти нужны были не замкнутость, а открытость новым задачам, не автономные от властей сообщества

магистров, профессоров или академиков, а государственные служащие, специалисты, участвующие в модернизации страны, не хаотичность индивидуальных интересов, а регулярность в организации научно-исследовательского дела. Согласно Уставу 1747 года в Университете при Академии наук учреждались полноценное руководство, управленческий и профессорско-преподавательский штат, включая profes-

Академия Наук. Проект. Восточный и западный фасады. Гравюра Вортмана Х.-А. Вторая половина 1740-е годы

Санкт-Петербург. План. Гравюра Махаева М.И. 1753 год

соров-гуманитариев (элоквенции и стихотворства; логики, метафизики и наук нравоучительных; древностей и истории литеральной; истории политической и юриспруденции) [4, с. 58] отсутствовали, заметим, теологические кафедры, что соответствовало первоначальному замыслу о разделении светского и церковного образования. При этом Православная церковь, христианская религия пронизывали весь социум, были вплетены в саму ткань индивидуальной и общественной жизни, так что основ богословия было вполне достаточно для религиозного воспитания как компоненты обучения в Университете и Гимназии.

Интересно было бы всесторонне изучить, насколько это связано с развитием Императорского Московского университета, его философским факультетом, в том числе с переводом туда ряда преподавателей из Петербурга, но если говорить о фактической ситуации, то к 1770 году в штате Академии наук в Петербурге не осталось ни одного академика-гуманитария, а, следовательно, в Академическом университете некому было всю эту гуманитаристику преподавать. Обратим внимание на современные исследования, которые вводят в широкий оборот источники, ранее не подвергавшиеся детальному изучению. Речь идёт о документах, описывающих фактические внутренние преобразования в учебном и исследовательском секторах Академии наук, частично проведённые в жизнь проектах времени Екатерины II. Составленные при участии директора Академии наук графа В.Г. Орлова (или им самим) «Привилегии и Устав Санкт-Петербургской императорской Академии наук» (1770) описывают план преобразования Университета в Академическое училище для подготовки специалистов и, как бы мы сказали теперь, кадров высшей квалификации в таких областях, как математика, физика, естествознание [18, с. 50].

Академическое училище было устроено по модели, общей для всех учебных заведений, реформируемых при И.И. Бецком. В его программу были включены и базовые курсы философского факультета. Пройдя основной курс обучения, учащиеся переименовывались в элевов и закреплялись за конкретными академиками для совершенствования в науках. При этом они посещали публичные курсы наук, соответствующие университетской программе по физико-математическому и естественно-научному направлениям, которые отныне разрешено было читать не только на латинском и русском языках (как по Регламенту 1747 года), но и на новых европейских языках. Таким образом, при Академии наук создавалась альтернативная университетской модели подготовки научных кадров, подразумевающая высшую образовательную ступень» [18, с. 44–45]. Уточним: в Санкт-Петербурге, спустя пятнадцать лет после создания Московского университета, искали новые, более соответствующие времени формы подготовки специалистов-исследователей под руководством академиков – ведущих учёных в своих областях.

Одновременно новые принципы насыщали пространственное развитие России. Екатерина Великая писала в Париж

барону М. Гримму, послу маленького немецкого государства и своему агенту, характеризуя собственное царствование: «нет больше ни козы, ни капусты, есть только Пирр, царь Эпира (под именем этого античного персонажа она имела в виду себя.– Авт.), которого каждый скульптор должен изваять, каждый живописец нарисовать, и все поэты воспеть. Это царство изящных искусств... со страстью сочинять законы, страстью самой глубокой, основанной на самых тщательных исследованиях» [19, с. 99]. При этом политические решения окрашивались эстетически, а художественная политика приобретала черты обязательных к исполнению установок, связанных с политическими и экономическими государственными проектами. Впрочем, эта позиция не была придумана императрицей в одиночестве. Ей помогали своими советами едва ли не все знаменитости европейского Просвещения, стремившиеся к всестороннему развитию человечества на основании законов Разума, найденных наукой и переданных образованием.

Идеи того времени не устарели, и сейчас остаётся, да и становится всё более насущным и остроактуальным наукоёмкое, на основании самых последних естественнонаучных и гуманитарных достижений, в том числе теологических и педагогических, представление о развитии нашего общества и государства, определяющее зримое выражение современности в строительстве и архитектуре.

Формирование смысловых структур современных образов жизненной среды России предполагает включение в процесс преобразования пространства целого ряда гуманитарных и точных наук – истории, психологии, науки о мышлении и восприятии, социологии, теологии, географии. Речь может идти о создании принципиально иной картины мира, продвижении его видения как процесса преемственного развития, в котором сохраняются черты, зафиксированные памятниками исторического наследия всех эпох развития России. Хочется верить, что это обогатит процесс выработки идей и принятия творческих решений, а может быть, и ляжет в основу будущей жизненной среды, по крайней мере, в замыслах и проектах творцов зодчества и всех близких ему искусств. Жизненная среда теперь может программироваться на основании инноваций специалистов по архитектуре, градостроительству и строительным наукам, многочисленных открытий историков, археологов, теологов, социологов, психологов, антропологов, географов, ботаников.

Российский проект будущего прежде всего должен стать продуктом расчёта применяемых совместно достижений многих наук, выражающий и восстанавливающий гений места, созданный природой и предками благодаря усилиям наших университетов и академий по воплощению идей материальной и духовной целостности России, заложенной триста лет назад по мысли Петра Великого. Наследие его эпохи, когда был совершён величайший прорыв вперёд в истории нашей страны, позволяет увидеть с большей исторической перспективой современные проблемы развития наших образования и науки. С этим связана

необходимость взять лучшее из отечественного образования, сочетать разные квалификации, прикладные знания с опорой на фундаментальное образование, создавать единство духовного и материального, развивать страну и её огромное пространство как систему смыслов, определяющих сохранение традиционных, накопленных столетиями ценностей и потребность стремительного развития на их основе нового российского наукоёмкого мышления, которое обеспечит и проактивную экономику, и концентрированное, эффективное, ломающее ненужное, отстаивающее необходимое для становления профессионализма проактивное образование. В нём существенную роль будет играть не только инженерная, но и гуманитарная составляющая, в том числе теология – как ценностно-мировоззренческая компонента, фундирующая понимание общей культуры, учитывающая христианскую парадигму и позиции традиционных конфессий, мораль и право, воспитание социально-ответственной личности, необходимых сегодня России высокообразованных людей, защищённых в духовном отношении от массированного наступления чуждых, навязываемых нам представлений о человеке и Боге, истории и природе [20].

И в этом контексте единство академической науки и университетского образования, вступающее сегодня в нашей стране в четвёртый век своей жизни, – неопределимое культурное достояние и национальный стратегический ресурс, который может обеспечить России стремительное движение вперёд.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 1999 г. № 717 «Об установлении Дня российской науки» / Текст : электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13955> (дата обращения 15.06.2023).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.1997 г. № 1379 / Текст : непосредственный // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая; сост. Г.А. Тишкин. – Санкт-Петербург : издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 560 с.
3. Полное собрание законов Российской империи : В 45 томах : Том VII : Издание первое : Санкт-Петербург. – 1830. – Т. VII, № 4443. – С. 220–224. – Текст : непосредственный.
4. Уставы Академии наук СССР. – Москва : Наука, 1975. – 206 с. – Текст : непосредственный.
5. Первый университет Российской империи / Н.М. Кропачев, А.Х. Даудов, И.Л. Тихонов, Е.А. Ростовцев. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64, Вып. 1. – С. 5–23.
6. Российская академия архитектуры и строительных наук. История и современность / Отв.ред. Д.В. Буш. – Текст : непосредственный. – Екатеринбург : Татлин, 2022. – С. 12–28.
7. Ferrone, V. Le Accademie scientifiche / V. Ferrone. – Текст : непосредственный // Le Università dell' Europa dal rinnovamento scientifico all'eta dei Lumi. – Milano, 1992. – P. 149–169.
8. Wolff, Ch. Briefe aus den Jahren 1719–1753 / Ch. Wolff. – St. Petersburg, 1860. – Текст : непосредственный.
9. Копелевич, Ю.Х. Основание Петербургской академии наук / Ю.Х. Копелевич. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 211 с. – Текст : непосредственный.
10. Толстой, Д.А. Академический университет в XVIII столетии : по рукописным документам Архива Академии наук / Д.А. Толстой. – Санкт-Петербург : Типография Академии наук, 1885. – 67 с. – Текст : непосредственный.
11. Швидковский, Д.О. Художественные основания Санкт-Петербурга / Д.О. Швидковский // Искусство Петровской эпохи. – Москва : ПАХ. – 2023. – С. 8–17.
12. Shvidkovsky D. St. Petersburg. Paris – New York – Koln. – Menges : Abville Press, Mannesman, 1997.
13. Рождественский, С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках : Т. 1 / С.В. Рождественский. – Санкт-Петербург : Типография М.А. Александрова, 1912. – 679 с. – Текст : непосредственный.
14. Митько, А.Е. Структура православной миссиологии в образовательной перспективе / А.Е. Митько – Текст : непосредственный // Вопросы теологии. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 204–220.
15. Шмонин, Д.В. Теология и университет : Учебное пособие // Д.В. Шмонин. – Москва : МАРХИ, 2022. – 220 с. – Текст : непосредственный.
16. Рязанцев, И.В. Императорская академия художеств : Т. I. XVIII – первая половина XIX века / И.В. Рязанцев, И.М. Шмидт. – Текст : непосредственный. – Москва : Изобразительное искусство, 1997. – 396 с. – С. 8–56.
17. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков : Принципы художественного единства / Т.Ф. Саваренская, И.А. Бондаренко, А.Г. Борис [и др.]; Под ред. Т.Ф. Саваренской. – Текст : непосредственный. – Москва : Стройиздат, 1997. – 470 с.
18. Костина Т.В. Альтернатива университету: Академическое училище В.Г. Орлова (1770) / Т.В. Костина. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. –Т. 25, № 2. – С. 44–55.
19. Сборник Русскако императорскаго историческаго общества : Т. XXIII. – Санкт-Петербург : Типография А. Траншеля, 1878. – 752 с. – Текст : непосредственный.
20. Микрюков, Д.Ю. Особенности религиозного и секулярного взгляда на воспитание и нравственное развитие / Д.Ю. Микрюков. Текст : непосредственный // Вопросы теологии. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 133–146.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 iyunya 1999 g. № 717 «Ob ustanovlenii Dnya rossiiskoi nauki» [Decree of the President of the Russian Federation of June 7, 1999 No. 717 “On

the Establishment of the Day of Russian Science”]. Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii [Official website of the President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13955> (Accessed 06/15/2023). (In Russ.)

2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 01.11.1997 g. № 1379 [Decree of the Government of the Russian Federation of November 1, 1997 No. 1379]. In: Verbitskaya L.A. (sc.ed.), G.A. Tishkin (comp.): *Prazdnovanie 275-i godovshchiny osnovaniya Sankt-Peterburgskogo universiteta. Dokumenty i materialy* [Celebration of the 275th Anniversary of the Founding of St. Petersburg University. Documents and Materials]. Sankt-Peterburg, publishing house of St. Petersburg University, 2003, 560 p (In Russ.).

3. Zakon № 4443 [Law No. 4443]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii : Pervoe sobranie* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection], in 45 volumes, Vol. VII. St. Petersburg, Tipografiya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii [Printing house of His Imperial Majesty's Own Chancellery], 1830, 922 p. (In Russ.)

4. Ustav Akademii nauk SSSR [Charters of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 206 p (In Russ.)

5. Kropachev N.M., Daudov A.Kh., Tikhonov I.L., Rostovtsev E.A. Pervyi universitet Rossiiskoi imperii [The First University of the Russian Empire]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2019, Vol. 64, Iss. 1, pp. 5–23. (In Russ., abstr. in Engl.)

6. Bush D.V. (resp.ed.). Rossiiskaya akademiya arkhitektury i stroitel'nykh nauk. Istoriya i sovremennost' [Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. History and Modernity]. Moscow, Tatlin Publ., 2022, pp. 12–28 (In Russ.)

7. Ferrone, V. Le Accademie scientifiche. Le Universita dell' Europa dal rinnovamento scientifico all'eta dei Lumi. Milano, 1992, p. 149–169. (In French)

8. Wolff, Ch. Briefe aus den Jahren 1719–1753. – St. Petersburg, 1860.

9. Kopelevich Yu. Kh. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk [Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad, Nauka, Leningrad. Department Publ., 1977, 211 p. (In Russ.)

10. Tolstoy D. A. Akademicheskii universitet v XVIII stoletii: po rukopisnym dokumentam Arkhiva Akademii nauk [Academic University in the 18th Century: According to Handwritten Documents of the Archive of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, Printing house of the Academy of Sciences, 1885, 67 p. (In Russ.)

11. Shvidkovskii D.O. Khudozhestvennye osnovaniya Sankt-Peterburga [Artistic Foundations of St. Petersburg]. In: *Elektronnyi zhurnal «Mir istorii»* [Electronic journal "World of History"], 2015, no. 2. URL: <http://www.historia.ru/2015/02/2015-02-shvidkovskiy.htm> (Accessed 08/30/2023). (In Russ.)

12. Shvidkovsky D. St. Petersburg. Paris – New York – Koln. – Menges, Abville Press, Mannesman, 1997.

13. Rozhdestvenskii S.V. Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vekakh [Essays on the History of Public Education Systems in Russia in the 18th–19th Centuries], Vol. 1. St. Petersburg, Printing house of M.A. Aleksandrov, 1912, 679 p. (In Russ.)

14. Mit'ko A.E. Struktura pravoslavnoi missiologii v obrazovatel'noi perspektive [The Structure of Orthodox Missiology in the Educational Perspective]. In: *Voprosy teologii* [Issues of Theology], 2020, Vol. 2, no 2, pp. 204–220. (In Russ., abstr. in Engl.)

15. Shmonin D.V. Teologiya i universitet. Moscow, MARKhI Publ., 2022, 220 p. (In Russ.)

16. Ryazantsev I.V., Shmidt I.M. Imperatorskaya akademiya khudozhestv . T.I. XVIII – pervaya polovina XIX veka [Imperial Academy of Arts, Vol.I. XVIII – the First Half of the XIX Century]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1997, 396 p, pp. 8–56. (In Russ.)

17. Savarenskaya T.F., Bondarenko I.A., Boris A.G. [et al.]. Arkhitekturnye ansambli Moskvy XV – nachala XX vekov : Printsipy khudozhestvennogo edinstva; T.F. Savarenskaya (ed.). Moscow, Stroizdat Publ. 1997, 470 p. (In Russ.)

18. Kostina T.V. Al'ternativa universitetu: Akademicheskoe uchilishche V.G. Orlova (1770) [Alternative to the University: Academy's College of Vladimir G. Orlov (1770)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd state architectural and Construction University. Series: Construction and Architecture], 2020, Vol. 25, no. 2, pp. 44–55. (In Russ., abstr. in Engl.)

19. Sbornik Russkako imperatorskago istoricheskago obshchestva [Collection of the Russian Imperial Historical Society], Vol. XXIII. St. Petersburg, ankt-Peterburg, Printing house of A. Transhel, 1878, 752 p. (In Russ.)

20. Mikryukov D.Yu. Osobennosti religioznogo i sekulyarnogo vzglyada na vospitanie i npravstvennoe razvitie [Peculiarities of Religious and Secular Views on Upbringing]. In: *Voprosy teologii* [Issues of Theology], 2023, Vol. 5, no. 1, pp. 133–146. (In Russ., abstr. in Engl.)